

всех известий, проникших в летопись из фольклора, к Владимирскому Полихрону Фотия, который их якобы впервые соединил в своем составе, сделано А. А. Шахматовым предположительно, без приведения особых доказательств. Однако все же А. А. Шахматов уделяет этому вопросу большое внимание и придает ему серьезное значение в характеристике Полихрона Фотия.

Не можем не видеть, однако, ошибочности такого отнесения всех поздних летописных эпических упоминаний к Полихрону Фотия, как их первоисточнику. В самом деле, ограничиваясь пока-что только летописными известиями об Александре Поповиче, отметим их разноречивость, которая указывает на то, что в летописях отразились различные, разновременные произведения. Александр Попович то участник Липицкой битвы как сторонник ростовского князя Константина Всеволодовича, то участник Калкской битвы на службе у киевского князя Мстислава Романовича, то борется с Володарем и половцами при Мономахе, то выступает совместно с богатырем Владимира I Святославича — Яном Усмошвецом против половцев.

Ясно, что один и тот же летописец, будь это составитель Полихрона Фотия или кто-либо другой, не мог включить в свой свод столь разноречивые известия об одном и том же лице, жизнь которого относится то к XI в., то к XIII в. К тому же, самое именование Александра Поповича „богатырем“ в Никоновской летописи более позднее, сравнительно с именованием его „храбром“ в Тверском сборнике и в Полихроне Фотия. Остается предположить, что разные летописцы в разное время отразили в своих сводах различные произведения об одном и том же герое русского былевого эпоса — Александре Поповиче.

Попробуем рассмотреть эти летописные известия с точки зрения их содержания.

В Тверской летописи 1534 г., иначе называемой Тверским сборником, в текст повести о Калкской битве, в целом восходящей к Софийской первой летописи, вставлен подробный рассказ о подвигах ростовского „храбра“ Александра Поповича. Изложив в Повести о Калкской битве обычные в начале ее рассуждения о зловещем появлении неведомого народа (до слов: „бог же весть един, кто суть и отколе изыидоша, премудрии мужи ведят я добре, кто книги разумеет; мы же их не вемы кто суть, но зде написахом о них памяти ради рускых князь и беды яже бысть от них“), летописец внес от себя небольшое рассуждение о причинах поражения русских. Рассуждение это замечательно своею антикняжескою точкою зрения на грозные события Калкского побоища: „но не сих же ради сие случися, но гордости ради и величания Рускых князь попусти бог сему быти. Беша бо князи храбры мнози, и високоумны, и мнящися своею храбростию съделовающе; имеяхут же и дружину многу и храбру, и тою величающися...“¹ В подтверждение этого своего со-

¹ Здесь и ниже цитирую Тверской сборник по изданию 1863 г.